

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г 0162-2086
042(02)-73 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

С. М. Абрамзон

ФОРМЫ СЕМЬИ У ДОТЮРКСКИХ И ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ СИБИРИ, СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Первобытнообщинные отношения, характеризующие наиболее древнюю эпоху Саяно-Алтая, Восточного Казахстана и Семиречья, достигнув расцвета, начали, хотя и крайне медленно, клониться к упадку в так называемое афанасьевское время, датируемое III — началом II тысячелетия до н. э. Памятники этого периода хорошо представлены на Саяно-Алтайском нагорье. Именно к этому времени относится появление первых зачатков скотоводства. В это время наряду с орудиями из камня начинают изготавливаться орудия из меди и бронзы. Все это знаменует собой зарождение новой эпохи, связанной с первым общественным разделением труда. Однако материалы, приведенные в обобщающей работе С. В. Киселева, убедительно свидетельствуют о том, что в это время (начало бронзового века) еще не мог иметь места полный переход к патриархальным отношениям. Господствующее положение, по-видимому, занимала еще парная семья. Рассматриваемый период, как указывает С. В. Киселев, характеризуется лишь «первыми шагами нового уклада»¹. Это было лишь начало сложения патриархальных связей.

Следующий этап в развитии общества получил название андроновской эпохи. Памятники ее охватывают более обширные пространства. Хронологически они датируются 1700—1200 гг. до н. э. В эту эпоху не только развивается и совершенствуется скотоводство, но и происходит переход к примитивному земледелию. Начинается широкое распространение орудий из бронзы, ткачества. Могильник андроновского типа был открыт А. Н. Бернштамом и на Тянь-Шане, в долине

¹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949 (МИА, № 9), стр. 33.

р. Арпы². Керамика и изделия из бронзы этой эпохи обнаружены также в ряде пунктов Чуйской долины. Но и по своему обряду, и по составу афанасьевские и андроновские погребения еще весьма близки друг к другу. «Это,— пишет С. В. Киселев,— не позволяет говорить о резком изменении общественных отношений»³. Вместе с тем отмечены факты, указывающие на новую форму семейных отношений — большую семью. Но пока это факты единичного порядка; потому есть основания полагать, что и в эту эпоху основную роль продолжает играть еще материнский род с характерной для него парной семьей. Памятники андроновской эпохи говорят о близости культуры, существовавшей в то время как в Южной Сибири, так и в Семиречье, и на Тянь-Шане. Андроновская эпоха подготовила почву для нового, более интенсивного развития производительных сил, для дальнейших изменений в общественных отношениях.

Изменения эти наступили в карасукскую эпоху (1200—700 гг. до н. э.). Это было время наивысшего расцвета производства орудий из бронзы. Особенно интенсивное развитие металлургии отмечено на Енисее. Начинает развиваться и кочевое скотоводство, хотя и не в очень значительных размерах. Этим, в частности, объясняется резкое увеличение количества находимой круглодонной посуды. Подъем производительных сил приводит к росту населения. Продолжается ослабление матриархальных традиций. На относящихся к этому времени каменных стелах Минусинской котловины, имевших культовое значение, изображены главным образом мужчины, что отражает изменения, наметившиеся в положении мужчины. Этот период можно считать началом более явственного проявления процесса вызревания патриархальных отношений, перехода к новому типу семьи, хотя С. В. Киселев совершенно справедливо, на наш взгляд, замечает, что в карасукской эпохе еще нельзя «видеть время сложения обособленных семейных организаций»⁴.

Памятникам карасукского времени в Минусинской котловине, на Алтае и в Казахстане (где был расположен так называемый казахстанский очаг бронзовой культуры) соответствовал ряд памятников, обнаруженных в Северной Киргизии и имеющих лишь некоторые локальные отличия. Эти памятники принадлежали, по-видимому, населению, занимавшемуся скотоводством, дополняемому охотой и отчасти ры-

² А. Н. Бернштам, Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— сб. «Советская археология», XI, 1949, стр. 340—342.

³ С. В. Киселев, Древняя история, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 96.

боловством⁵. Если для Саяно-Алтая в этот период, как доказывает С. В. Киселев, этнический состав населения характеризуется его принадлежностью к разнородным племенам, объединяемым в китайских источниках именем «динлин»⁶, то племена Семиречья и Тянь-Шаня явились той основой, на которой сформировался в последующую эпоху племенной союз, известный под именем сакского.

Мы переходим к эпохе, которой на территории Саяно-Алтая присвоено название тагарской (она нередко обозначается как «скифская») и которую в Семиречье и на Тянь-Шане принято называть эпохой сакского племенного союза. Эта эпоха (VII—III вв. до н. э.) представляет собой уже качественно новый этап в развитии общества, своего рода скачок, когда медленно и постепенно накапливавшиеся количественные изменения перешли в качественные. Крупнейшим фактором, сыгравшим свою роль в этот период, был переход к изготовлению железных орудий, что существенно повысило производительность человеческого труда. Племена на рассматриваемых территориях поднялись в своем развитии на ту ступень, на которой, как пишет Энгельс, «все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»⁷.

На этой стадии развития скотоводство в ряде районов приобретает первенствующее значение. Наряду с полукочевыми формами оно имеет местами и кочевой характер. На Среднем Енисее в этот период получает развитие земледелие, однако, по-видимому, ручное, мотыжное, сопровождаемое устройством оросительных систем. Но что особенно характерно, это усиленное развитие военного дела. Сакский племенной союз на территории Средней Азии, включавший в себя и тянь-шаньских саков, и саков Памиро-Алая, был прежде всего военной организацией. Ей как нельзя более соответствовала новая общность в виде племени, построенного на принципах патриархально-родовой организации, пришедшей на смену матриархально-родовому строю. Правда, из ряда указаний древних авторов можно сделать вывод о высокомо еще положении женщины в сакском обществе, что свидетельствует о живучести матриархальных традиций в то время. Тем не менее не подлежит сомнению факт перехода ведущей роли в общественной и семейной жизни к мужчине, поскольку ре-

⁵ А. Н. Бернштам, Основные этапы, стр. 342—344.

⁶ С. В. Киселев, Древняя история, стр. 106—108.

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 162—163.

шающее значение он приобрел и в скотоводческом хозяйстве, и на войне, которая вошла в быт сакских племен.

Относящиеся к сакской эпохе памятники широко представлены на территории Киргизии. Они уже отражают три новых явления. Во-первых, ощутимые признаки имущественного неравенства; во-вторых, появление рабов из числа военнопленных, которых, по-видимому, не предавали, как раньше, поголовному истреблению; в-третьих, укрепление патриархальных большесемейных общин. Все эти явления были тесно переплетены друг с другом. Их можно усмотреть даже в расположении сакских курганов в могильнике⁸. Центральную цепочку из больших курганов составляют погребения членов патриархальной семьи из зарождающейся имущественной верхушки. Идущие рядом с ней цепочки средних и малых курганов представляют собой захоронения членов рядовых патриархальных семей (каждая цепочка курганов — захоронения членов одной семьи). Наконец, захоронения без инвентаря, расположенные в группах мелких курганов, стоящих возле некоторых больших и средних курганов, — это последнее прибежище рабов, входивших в ту или иную патриархальную семью.

Близкую к этой картину мы находим и в памятниках, относящихся к тагарской эпохе на Саяно-Алтае. Уже в курганах первой стадии этой эпохи наблюдается отчетливая картина захоронения в отдельных курганах членов патриархальных семейных общин, на что указывает наличие под одной насыпью как индивидуальных погребений, так и коллективных. При этом среди погребенных выделяется значительное количество воинов, в том числе и женщин. Но имущественной разницы между отдельными семьями еще не наблюдается⁹. Чрезвычайно ценна интерпретация С. В. Киселевым изображений на Боярских писаницах, датируемых тем же временем; каждый из изображенных на них тагарских «писаниц» состоял из четырех-пяти домов, причем на одной писанице изображен один большой дом и четыре меньших. Указывается, что можно говорить о нераздельности участков, прилегающих к отдельным «поселкам», и необособленности стад, заполняющих на изображениях все пространство между «поселками»¹⁰. В этих отдельных «поселках» тагарцев, жители которых, очевидно, вели общее хозяйство, мы склонны видеть поселения патриархальных большесемейных общин, входивших в свою очередь в более широкие объединения.

⁸ А. Н. Бернштам, Основные этапы, стр. 344—345.

⁹ С. В. Киселев, Древняя история, стр. 130.

¹⁰ Там же, стр. 148, 150.

На второй стадии тагарской эпохи (примерно с V в.) можно отметить две новые характерные черты: появление больших курганов с коллективными захоронениями, в которых погребалось иногда до ста и более человек, и больших курганов со сложной конструкцией покрытия с одиночными погребениями, но с богатым инвентарем, в чем С. В. Қиселев справедливо видит выделение каких-то значительных лиц¹¹. При этом, что особенно важно, в курганах с большими коллективными погребениями кроме вооруженных мужчин и известного числа невооруженных женщин лежат останки людей, положенных без инвентаря. И здесь мы видим, с одной стороны, зарождение имущественного неравенства, с другой — появление рабов. Трактовку же больших курганов с коллективными захоронениями как «родовых» усыпальниц, т. е. усыпальниц для целой группы патриархальных семей, мы тем охотнее принимаем, что их появление характеризует зачатки той общности — семейно-родственных групп, — которая снова появится, но уже в новых условиях и в новом виде, много веков спустя. Перечисленные особенности второй стадии тагарской эпохи становятся еще более рельефными в позднетагарскую эпоху.

Наши соображения об отражении в погребальном культе рассматриваемого времени существования таких социальных групп, как большесемейные общины и семейно-родственные группы (сходные по своему характеру с так называемыми патронимиями), подтверждаются замечанием, высказанным С. И. Вайнштейном: «Длительное время в таких объединениях (аальных общинах у тувинцев.— С. А.) важную роль играло кровное родство глав семей, входивших в патронимию. Именно с патронимией, а не с родом, надо полагать, связаны появляющиеся у ранних кочевников Саяно-Алтая (скифское время) цепочки курганов»¹².

Мы уверенно можем говорить об общих процессах, наблюдающихся в развитии общества и семьи, как на Саяно-Алтае, так и в Семиречье и на Тянь-Шане. И там и здесь наблюдается усиление роли кочевого скотоводства (отчасти и земледелия), а в связи с этим и патриархальных отношений. И там и здесь на основе появления племени нового типа складывается военно-демократический строй, а война становится повседневным бытом. И там и здесь эти явления сопровождаются зарождением рабства и имущественного неравенства.

¹¹ Там же, стр. 152—154, 165.

¹² С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс., М., 1969, стр. 36.

Таким образом, налицо все признаки разложения перво-бытнообщинных отношений. Но влияние общинных традиций еще значительно. Пастбища и земельные угодья еще являются общинной собственностью. Что же касается скота, этого, очевидно, сказать уже нельзя. Он приобретает характер отдельной собственности большесемейных общин, о которых будет сказано ниже. Поэтому мы склонны рассматривать появление бронзовых клейм для таврения животных как дальнейшее развитие представлений о собственности совсем не в том смысле, как об этом пишет С. В. Киселев¹³. Собственность и до этого была родовая, ее незачем было укреплять. Скорее эти различные клейма, представленные в кладе одного мастера, были предназначены для клеймения скота, принадлежавшего большесемейным общинам или семейно-родственным группам; этот скот представлял собой еще не частную, но отдельную собственность названных общин.

Должны быть отмечены и некоторые признаки появления наследования ценностей, поскольку в могильниках тагарцев обнаруживается специально изготовленный погребальный инвентарь, состоящий из миниатюрных копий вещей, призванных заменять подлинные вещи.

Охарактеризованное выше изменениям в производстве, в экономическом базисе общества, соответствовали и изменения в семейных отношениях. В конце первой половины I тысячелетия до н. э. начинается все большее укрепление патриархальной большесемейной общины, первые признаки которой появляются уже в предшествующий период, в особенности в карасукское время. Наступила эпоха, когда должно было происходить утверждение патриархальной семьи в качестве господствующего типа семьи¹⁴. Но в эту эпоху еще не могли исчезнуть полностью прежние формы семьи, и можно предполагать, что парная семья могла в течение некоторого времени сосуществовать господствующему типу семейных отношений. С другой стороны, наряду с большесемейной общиной в силу различных причин, в особенности в связи с зарождавшейся имущественной дифференциацией, могли выделяться и существовать и отдельные малые семьи, и их небольшие группы. Но ведущим типом семьи все же становится большесемейная община. Она еще долго продолжает сохранять свое значение, претерпевая, однако, определенные изменения, вы-

¹³ С. В. Киселев, Древняя история, стр. 151.

¹⁴ С. В. Киселев пишет, что «семья, во главе которой стоит отец, именно в это время (к V в. до н. э.—С. А.) становится господствующей формой» (Древняя история, стр. 152). Однако он воздерживается от указания, какую семью он имеет в виду.

зываемые главным образом влиянием возникающих и развивающихся классовых отношений. Каков же характер этих изменений, чем они вызваны и в какой степени приводят к распаду патриархальной семьи?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо уяснить, что представляла собой в условиях кочевого общества патриархальная большая семья. Как и у всякой патриархальной семьи, у нее должна была быть экономическая основа. При господствовавшем еще в течение длительного времени общинном владении пастбищами такой основой являлась общая собственность всей патриархальной семьи на скот. Далее для патриархальной семьи характерным становится включение в ее состав лиц, находящихся в рабском или зависимом положении. Патриархальная семейная община у кочевников включала в себя, очевидно, либо некоторое число рабов, источником получения которых были для многих веков последующего развития военные набеги, либо, позднее, зависимых, обедневших однообщинников.

Особенностью большесемейной общины у кочевников было и то, что, владея общей собственностью и обеспечивая под властью отца — патриарха — уход за стадами, члены этой общины, представленные тремя-четырьмя поколениями, могли жить не совместно в одном общем доме или шатре (юрте), а составлять одно поселение из нескольких домов (или юрт), как это мы видели у тагарцев, что не мешало ведению общего домохозяйства, правильной организации выпаса скота, совместному производству и потреблению. В известные периоды сезонного кочевания для выпаса скота некоторые члены такой большесемейной общины могли отлучаться на то или иное время (как и в периоды военных набегов), но это не меняло существа самой общины как семейно-хозяйственного целого.

По-видимому, непониманием этих и некоторых других особенностей, отличающих патриархальную семью у кочевников от патриархальной семьи у оседлых народов, объясняется точка зрения, согласно которой у кочевников не только в эпоху феодализма, но даже и в более раннюю эпоху (с тех пор как исчезает коллективная собственность на скот и совместное производство силами целого рода) господствовала не большая патриархальная семья — община, а малая индивидуальная семья. Эта точка зрения нашла наиболее законченное выражение в работе В. С. Батракова¹⁵. Между тем не трудно понять, что в специфических условиях кочевого скотоводческого хозяйства, и в период дофеодалных об-

¹⁵ В. С. Батраков, Особенности феодализма у кочевых народов, — «Научная сессия Академии наук УзССР», Ташкент, 1947, стр. 433—446.

шество, и в период патриархально-феодалных отношений (о них В. С. Батраков говорит вскользь в конце работы, явно предпочитая понятие «чистого» феодализма), нередко сохранявшаяся патриархальная семейная община являлась не только формой семейной организации, но и простейшим производственным объединением, подлинной хозяйственной единицей общества. Это была форма организации скотоводческого хозяйства, малодоступная в силу ряда причин для отдельной, индивидуальной семьи.

Длительное бытование семейной общины, отчасти в пережиточной форме больших неразделенных семей, в известной мере было экономически более оправданным, чем существование малой семьи. В сохранении большесемейной общины как семейно-трудового объединения была на каком-то этапе заинтересована и малообеспеченная, зависимая часть скотоводов. Ссылка В. С. Батракова на *Ясу* Чингиз-хана, «освятившую» принцип выдела старших сыновей, ничего не объясняет и только запутывает, ибо прежде чем возник принцип выдела сыновей из малой семьи, должен был сначала утвердиться принцип выдела малых семей из состава патриархальной семейной общины.

После всего сказанного представляется возможным предположить, что существование патриархальной семейной общины у кочевников принципиально не противоречило господствовавшим в последние века I тысячелетия до н. э. общественным отношениям. Само общество в этот период на интересующих нас территориях продолжало развиваться по пути углубления социальных противоречий, хотя это развитие и шло в разных местах и в разные периоды неравномерно. Его экономический базис изменялся чрезвычайно медленно. Этим и объясняется прежде всего задержка распада большесемейных общин. Она объясняется также тем, что сама возникающая и ставшая во главе племенных союзов и ранних государственных образований племенная знать вынуждена была поддерживать традиционную сплоченность, вытекавшую из патриархально-общинных порядков. Эта сплоченность носила, однако, неустойчивый характер в силу существовавших общественных условий, которые хорошо подметил и охарактеризовал Л. П. Потапов в своей статье об этногенезе южных алтайцев¹⁶. Мелкие и крупные группировки различных племен и родов, сами различные племена и роды постоянно распадались и возникали вновь, дробились и расходились, переселялись, смешивались и скрещивались. Но, возникнув снова, они

¹⁶ Л. П. Потапов, Очерк этногенеза южных алтайцев, — СЭ, 1952, № 3, стр. 20—21.

восстанавливали, хотя и на новой базе, традиционную сплоченность при прямой поддержке родо-племенной верхушки.

Подтверждением того, что и в более поздний период патриархальная большесемейная община продолжала быть основой семейных отношений у кочевников, может служить Берккаринский могильник, относящийся к усуньскому времени. Каждая цепочка курганов этого могильника заключала в себе погребения отдельной патриархальной семьи, причем выделялись погребения знати и рабов¹⁷. Патриархально-семейный характер имеют и богатые погребения в усуньских курганах, вскрытых М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в Чуйской долине и возле г. Пржевальска¹⁸. Наличие большого количества бедных одиночных погребений в небольших курганах чильпекских могильников, расположенных поблизости от богатых, свидетельствует о значительной социальной дифференциации в усуньском обществе, но не может служить доказательством совершившегося распада большесемейных общин.

С дальнейшим углублением имущественного неравенства и появлением классовой дифференциации большесемейная община должна была или пойти по пути распада, или изменить свою внутреннюю природу. Но этот процесс имел характер постепенного накопления количественных изменений, которые лишь в будущем перешли в глубокие качественные изменения, завершившиеся установлением господства малой, индивидуальной семьи. Не подлежит сомнению, что для перехода от общинно-родовой собственности к частной собственности малых семей должны были существовать посредствующие звенья. Вначале, на первом этапе своего существования, патриархальная семейная община как хозяйственная единица общества основывалась на отдельной собственности на скот, при существовании общинной собственности на землю. В дальнейшем эта отдельная собственность стала превращаться в частную семейную собственность на скот, однако частную по отношению к возникшей общине соседского типа, но коллективную по отношению к членам большесемейной общины.

Интерпретируя далее соответствующие указания К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁹, можно предположить, что следующий

¹⁷ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950 (МИА, № 14), стр. 67.

¹⁸ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР,— ВДИ, 1938, № 3(4).

¹⁹ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»,— «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 48—52; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 57—58.

этап в развитии собственности на скот состоял в превращении всей или наиболее ценной части общесемейной собственности в личную собственность главы большой семьи. Эта узурпация имущественных прав других членов семьи ее главой могла произойти только в обстановке усиления классовых противоречий. Последним этапом был уже раздел большесемейных общин, выделение из них самостоятельных индивидуальных семей; в основе каждой из них лежала полная частная собственность²⁰. Это был уже скачок в развитии семьи, обусловленный всей ее предшествующей историей.

Все названные изменения коренились в конечном счете в укреплении частнособственнического начала, в накоплении богатств в руках знати и во все большем усилении зависимости от нее остальных членов общества. В период сохранения патриархальных семейных общин и одновременного существования некоторого количества индивидуальных семей дифференциация шла не по линии больших и малых семей, а по линии богатых и бедных семей.

Сказанное выше имеет прямое отношение к вопросу о том, к какому времени может быть отнесена утрата патриархальной семейной общиной ее господствующего положения, когда на первое место начинает выдвигаться малая семья. Решение этого вопроса чрезвычайно затруднено из-за недостаточности соответствующих источников. Поэтому мы вынуждены пользоваться лишь общими соображениями, некоторыми данными археологических исследований, дополняемых историческими свидетельствами.

В первые века н. э., как на Саяно-Алтае, так и в Семиречье и на Тянь-Шане, среди местных племен шел процесс усиления имущественного неравенства, развивалось рабство (в его патриархальной форме), на этой основе укреплялась родо-племенная знать. Назревали предпосылки для возникновения раннефеодальных государств на базе местных племенных объединений, для перестройки всего материального уклада жизни. Этот переломный момент наступил. В середине VI в. н. э. на обширной территории, включавшей земли, населенные многочисленными тюркоязычными племенами, возникло такое же неустойчивое военно-административное объединение, как и ряд предыдущих,— Тюркский каганат. В его состав вошел ряд племен, впоследствии отложившихся в этническом составе населения как на Алтае, так и на Тянь-Шане. Через несколько десятилетий он распался на две по существу самостоятельные части: Западнотюркский каганат

²⁰ Ср.: А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории,— СЭ, 1956, № 4.

и Восточнотюркский каганат. Первый просуществовал до 704 г., второй — до 745 г. Во главе этих неустойчивых образований находилась укрепившая свои позиции военно-рабовладельческая аристократия местных племен. Львиная доля военной добычи, захватываемой во время грабительских походов, попадала в руки этой знати. Место племенных союзов начинают занимать военно-политические объединения, использующие, однако, родо-племенную структуру в качестве своеобразного «каркаса» общественных связей. Постепенно начинают вызревать отношения феодальной зависимости.

Обращаясь к вопросу о типе семейных отношений, нельзя не упомянуть о некоторых данных китайских источников, указывающих на черты не столь далеких архаических порядков, характерных для вошедших в состав Тюркского каганата племен. В хронике *Тан-шу* отмечается, что один из предков тюрков «Надулу имел десять жен. Все его сыновья прозывались по дому матери»²¹. Речь идет о том, что у древних тюрков, видимо, еще не очень давно родство считалось по материнской линии. В упомянутой статье Л. П. Потапов очень кстати процитировал отрывок текста из *Суй-шу*, относящийся к тюркоязычной группе теле, также вошедшей в состав каганата: «Нравы телесцев вообще одинаковы с тукюсскими. Только женятся у них уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая пока родится и вскормится грудью первый ребенок. Только тогда молодая чета возвращается в свой дом»²². Здесь отмечен яркий и значительный пережиток матрилокального брака.

Описывая бытовавшие в середине VI в. обычаи тюрков, историк отмечает: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола (разрядка моя.— С. А.) закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву...»²³. В данном случае мы имеем дело с живыми формами патриархальной семьи, единство которой находит свое выражение и в культуре.

Но все эти ценные факты не могут заслонить другого, гораздо более важного обстоятельства: несомненно быстро начинавшегося упадка патриархальных семейных общин, подготовленного всем предыдущим этапом их развития. Патриархальные семьи знати становятся экономически все более сильными. Эта знать формулирует новые нормы права, присваивает себе и судебные функции, создавая надстройку, призванную укреплять и защищать экономический базис обще-

²¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 222.

²² Л. П. Потапов, Очерк этногенеза, стр. 24.

²³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 230.

ства. Частная собственность становится все более определяющим фактором развития. Все это ведет к обособлению ее и внутри патриархальных семей. Наряду с последними появляется все большее количество индивидуальных, малых семей. В патриархальных семьях, по-видимому, именно в этот период возникает и усиливается деспотизм управления²⁴, цель которого — удержать патриархальную семью от распада. Одновременно с этим между образовавшимися вследствие раздела больших семей малыми семьями сохраняется тесная связь, что приводит к образованию своего рода семейно-родственных союзов, в известной мере охраняющих и поддерживающих возникшие, но еще слабые, малые семьи. Значение этих естественно образующихся небольших объединений родственных малых (а иногда одновременно и больших, и малых) семей станет особенно понятным, если учесть своеобразные условия общественных отношений того времени.

Начало наступившего нового этапа в развитии семейных отношений, который мы склонны рассматривать как переходный от старого порядка с преобладанием патриархальных семейных общин к новому порядку с господством малой семьи, может быть с известным приближением датировано V—VI вв. Воспользуемся для этого показаниями двух видов источников — археологических и исторических.

В исследованном А. Н. Бернштамом Джуван-Тепинском могильнике в Илийской долине (Казахская ССР) господствуют малые курганы. Исчезает традиционная усуньская цепочка курганов, хотя этот могильник еще продолжает традицию усуньской культуры. По характеру керамики А. Н. Бернштам относит его к V—VI вв. Он полагает, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые были вначале отброшены гуннами со своего коренного местобитания (Северное Притяньшанье) и позднее, смешавшись с последними, образовали известный еще в V в. н. э. племенной союз юебань, в VI в. выступающий в конфедерации племен дулу Западнотюркского каганата под именем «чубань»²⁵. В этом свидетельстве мы видим отчетливые признаки исчезновения с V—VI вв. характерных еще для усуньского времени форм погребения, связанных с широким бытованием большесемейной общины.

Другое показание археологических памятников относится

²⁴ Нам представляется достаточно обоснованной точка зрения М. О. Косвена на этапы развития семейной общины, согласно которой господствовавший ранее демократизм сменяется в семейной общине всевластием ее главы (см. его статью «Семейная община» в журнале «Советская этнография», 1948, № 3, особенно стр. 20—24).

²⁵ А. Н. Бернштам, Основные этапы, стр. 361.

к древнему населению Минусинской котловины. В своей книге С. В. Киселев устанавливает тесную генетическую связь между таштыкской и древнехакасской (кыргызской) культурами, причем именно к IV—V вв. он относит начало перехода к кыргызской культуре, которая в памятниках VI—VIII вв. выступает уже в отчетливо выраженных формах²⁶. Среди памятников этой эпохи большой интерес представляют изученные Л. А. Евтюховой рядовые погребения под маленькими каменными курганами. Как отмечает С. В. Киселев, эти погребения чаще встречаются «в виде обособленных групп, состоящих из нескольких цепочек курганчиков. В них легко можно признать кладбища нескольких семей, составлявших кочевье или оседлый кыргызский поселок. Реже рядовые погребения составляют крайние цепочки чаа-тасов, где главное место занимают большие курганы кыргызской знати»²⁷.

Это сообщение представляет для нас большую ценность, поскольку оно характеризует ту «переходность», о которой говорилось выше. Такие «семейные» кладбища в рассматриваемую эпоху отражают либо сохранение большесемейных общин, либо тесную связь между родственными малыми семьями, составлявшими одно «кочевье». Именно о тесной связи захороненных свидетельствует не только характер погребения (Л. А. Евтюхова вскрыла могильник, состоявший из двух цепочек; в одной из них было четыре, в другой — пять курганов)²⁸, но и его ритуал — трупосожжение. Конечно, такой ритуал не мог поддерживаться одной малой семьей. В то же время рядовые погребения в одной цепочке с богатыми курганами знати могут рассматриваться как захоронения зависимых от нее общинников, живших уже малыми семьями.

Последнее свидетельство, к которому мы обратимся, это сообщение китайской хроники *Тан-шу*, в которой очень отчетливо отразилось укрепление идеи частной собственности, охраняемой и защищаемой господствующими классами, что нельзя не рассматривать как признак начавшегося распада большесемейной общины. Это сообщение относится к тюркам середины VI в. В нем говорится: «По их уголовным законам... похищение спутанной лошади наказывается смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в

²⁶ С. В. Киселев, Древняя история, стр. 260—268.

²⁷ Там же, стр. 338.

²⁸ Л. А. Евтюхова, К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее, — «Труды ГИМ», М., 1938, вып. VIII, стр. 111.

десять крат против стоимости покражи»²⁹. Перечисленные здесь правовые нормы несовместимы с понятием семейно-общинной собственности.

Аналогичные показания можно найти и в рунических текстах. Поэтому весьма трудно согласиться с А. Н. Бернштамом, когда он утверждает, что мельчайшей экономической единицей у тюркоязычных племен VI—VIII вв. была патриархальная семья³⁰. Собственная аргументация А. Н. Бернштама говорит о явлениях противоположного порядка. Он цитирует такой, например, текст: «Младший брат не знал своего старшего брата, сын не знал своего отца» (?!). Далее он пишет о раздорах и смутах между братьями, что также противоречит понятию патриархальной семьи и в лучшем случае говорит о процессе ее сильного разложения. Попытка автора опереться на терминологию родства далеко не во всем убедительна, термины родства не могут абсолютно достоверно доказывать существование определенной формы семьи в данный момент. Сомнительно и утверждение А. Н. Бернштама о том, что у племен, входивших в Восточнотюркский каганат, была описательная система родства. В ней еще достаточно отчетливы признаки именно классификационной системы.

Но самое главное, автор неоднократно подчеркивает, что старшие сыновья выделяются при женитьбе и обзаводятся семьей³¹. Эти факты никак не согласуются с нормами патриархальной семьи. Наконец, А. Н. Бернштам, вступая в противоречие с самим собой, пишет о том, что «малая семья тем быстрее развивалась, чем быстрее возникали отношения господства и подчинения, и наоборот»³². Отношения господства и подчинения в рассматриваемое время были уже достаточно развиты. Приводимый А. Н. Бернштамом большой материал как раз подтверждает нашу мысль о бурном и противоречивом процессе смены форм семьи в этот период.

Основной вывод А. Н. Бернштама был в последнее время поддержан Ю. А. Зуевым. Он пишет: «Мельчайшей экономической единицей и основой социальной структуры древнетюркского общества была большесемейная община, обязательными атрибутами которой были общее жилище (на первых порах), общий котел и патриарх-домачин. Непосредственное указание на это содержится в известии VI в.: «...бывает, что»

²⁹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 230.

³⁰ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 89 и сл., 93 и сл.

³¹ Там же, стр. 91, 93.

³² Там же, стр. 105.

живущие в домах (или семьях, кит. цзя) большими фамилиями называют друг друга „ув-каган“; дом тюрки называют ув, и это значит домашний каган» («Тундянь», гл. 197). Подобное известно также и о ранних киргизах: «Семьи бывают и в тысячу, и в сто человек; живут совместно в одном жилище (доме); общая кровать, общее одеяло» (Тайпин хуаньюй цзи, гл. 199)»³³.

Сами по себе приводимые Ю. А. Зуевым новые данные, извлеченные им из письменных источников, представляют огромный интерес. Перечисленные им атрибуты патриархальной семейной общины достаточно характерны для этой формы социальной организации. Если к этому добавить приводимые автором данные о том, что помимо кровнородственных членов семьи в нее входили и рабы, а определяющей формой применения рабского труда было домашнее, или семейное, рабство, то можно считать, что здесь налицо все признаки вполне сложившейся большой патриархальной семьи. Значительный интерес представляет термин «ув каган», которым, очевидно, называли глав «больших фамилий», т. е. больше-семейных общин. Поскольку этот термин, разумеется, имел устойчивый характер, можно думать, что он возник задолго до того времени, к которому относится повествование. Если это так, напрашивается вывод, что термин «каган» в значении «хан, вождь, предводитель крупного военно-политического объединения древних тюрков» генетически связан с термином «ув каган». Семантическая близость обоих терминов совершенно очевидна. Она полностью подтверждает ту крупную роль, какую играла в социальной организации дотюркских и тюркских племен патриархальная семейная община.

Однако нам представляется, что данные Ю. А. Зуева подтверждают как раз нашу точку зрения, поскольку они относятся к самому раннему этапу истории древнетюркского общества, но никак не могут быть распространены на все последующие периоды этой истории, никак не характеризуют социальную структуру древних тюрков в VI—VIII вв., а тем более в позднейший период. К тому же сам автор оговаривается, что приводимые данные относятся лишь к «той части тюрков, которая тяготела к оседлости», тогда как основной формой хозяйства большинства тюрков было кочевое скотоводство³⁴.

Автор вынужден сделать и другое признание: «При пол-

³³ Ю. А. Зуев, Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1967, стр. 14—15.

³⁴ Там же, стр. 14, 15.

ном переходе к кочеванию и, следовательно, при изменении способа хозяйствования форма патриархальной большесемейной общины должна была несколько видоизмениться и утратить некоторые прежние признаки (например, общее жилище). Началась некоторая автономизация отдельных семей внутри общины, хотя их связи между собой остались сильными»³⁵. Здесь под весьма обтекаемым термином «автономизация» скрывается не что иное, как начало распада большесемейной общины на отдельные малые семьи. Если такие семьи продолжали входить в состав большесемейной общины, не мог возникнуть вопрос об их сильной или слабой связи между собой, ибо они составляли один коллектив. Если же налицо имелся уже распад общины, выделение из нее малых семей, то сохранение между ними прочной связи может свидетельствовать о появлении новой формы межсемейных связей, а именно, семейно-родственных групп, которые, как мы и пытаемся доказать, приходят на смену большесемейной общине и представляют собой уже продукт ее распада.

Ю. А. Зуев утверждает, что у племен басмылов-охотников семьи из четырех-пяти человек кочевали отдельно. «Это дает основание, — пишет он, — заявить, что большесемейная община у них начинала приобретать очертания патронимии»³⁶. Во-первых, большесемейная община не может приобрести «очертания патронимии», так как патронимия представляет собой совсем иной тип социальной организации, во-вторых, кочевание отдельными малыми семьями совсем необязательно предполагает существование патронимии.

Что касается свидетельства о семьях в тысячу человек, имеющих общее жилище и общее одеяло, то к нему следовало бы подойти в высшей степени критически, с учетом идеологии автора — представителя феодального Китая. Едва ли в данном случае может идти речь о семьях. Скорее это либо родовые группы, либо группы родственных больших семей. Общая кровать и общее одеяло — это очевидное преувеличение. Коллективизм в быту был совершенно чужд взглядам автора сочинения, противоречил его представлениям о принципах семейной жизни. Отсюда и предвзятая оценка фактов.

Рассмотренный фактический материал позволяет утверждать, что приблизительно около середины I тысячелетия н. э. начинается развиваться процесс перехода от старого порядка с господством большесемейных общин к новому поря-

³⁵ Там же, стр. 15.

³⁶ Там же.

ку с постепенным укреплением малой семьи. Теперь остается сказать о том времени, когда наступил новый этап развития этих отношений,— утверждение господства малой семьи. По отношению к Тянь-Шаню начало этого этапа датируется довольно точно. В X в. в Семиречье и на Тянь-Шане, а затем и почти во всей Средней Азии утвердилось господство династии Караханидов. Эта династия содействовала окончательной победе феодального способа производства, вызревавшего в предшествующий период.

Образование крупного караханидского государства феодального типа, включившего в свой состав многочисленные тюркоязычные племена, большая часть которых продолжала заниматься кочевым скотоводством, сыграло важную роль в дальнейшем развитии общественных отношений у кочевников. В эпоху господства Караханидов (с 940 г. до первой четверти XII в.) среди кочевников Тянь-Шаня окончательно складываются и становятся господствующими патриархально-феодальные отношения.

В связи с ростом производительных сил и укреплением феодальной эксплуатации усиливается имущественная дифференциация. Феодально-племенная знать обогащается также и за счет организуемых грабительских походов против соседних племен. Появляется значительный слой бескотных и малоскотных общинников, раньше других подвергающихся эксплуатации и оказывающихся в феодальной зависимости. Феодальная верхушка племен все чаще выступает в качестве васалов ханов и султанов различных соседних государств.

С этими крупнейшими явлениями в развитии общества у кочевых племен и приходится связывать утверждение малой семьи как преобладающей формы семейных отношений.

Превращение малой семьи в преобладающий тип семьи в обществе, принявшем патриархально-феодальный характер, не означало полного исчезновения большесемейных общин или разрушения тех прочных родственных уз, которые выступали еще в качестве одной из своеобразных форм общественных связей. Неустойчивость территориальных связей в условиях кочевого скотоводческого хозяйства была благоприятной для этого почвой. Наличие патриархального рабства также в известной степени задерживало быстрый распад большесемейных общин, использовавших труд рабов в домашнем хозяйстве.

Исторические источники не дают нам каких-либо прямых показаний о характере семьи среди племен Тянь-Шаня в течение VI—VII столетий II тысячелетия н. э. Содержащиеся в «Тарих-и Рашиди» сведения о наличии у каждого из ханов Моголистана по нескольку жен, о существовании гарема у

султана Махмуд-хана³⁷ говорят лишь о распространении полигамии среди знати.

Выделение малых семей, как об этом можно судить по более поздним данным, не повело к их полному обособлению от кочевых общин, состоявших ранее из больших семей. Этого не могло произойти вследствие уже отмеченной слабости и неустойчивости территориальных связей, сохранения общинного характера пользования пастбищами (хотя право распоряжения ими было уже захвачено феодальной знатью), большой зависимости малых семей от «больших домов», в которых проживали отцы глав малых семей, скованности их патриархальными традициями, трудностей ведения обособленного скотоводческого хозяйства. Несмотря на рост противоречий между интересами частной собственности, лежавшей в основе малых семей, и общинными связями, скреплявшимися узлами родства, эти противоречия еще не превратились в фактор, способный разорвать многие нити, крепко привязывавшие малые семьи к общине.

Но сами пастбищно-кочевые общины (так называемые аульные общины) претерпевали все более глубокие изменения, вызываемые ростом имущественной дифференциации, классовых противоречий. Связь внутри различных родо-племенных объединений уже давно основывалась на политической власти, осуществлявшейся крупными и мелкими феодалами, отношения между которыми строились на принципах вассалитета. Фактической родственной связи между многими мелкими родовыми группами, входившими в состав того или иного объединения, иногда уже не существовало. Видимость родственной близости между разнородными по происхождению группами создавалась генеалогическими преданиями — продуктом творчества «знатоков» родословия, выполнявших социальный заказ феодальной знати. Родовое и племенное «единство» как бы скреплялось часто именем легендарного предка.

В этих условиях реальные родственные связи могли сохранить свою силу только в наиболее дробных «звеньях» родо-племенной организации. Процесс усиления роли феодальной знати и укрепления патриархально-феодальных отношений сопровождался одновременным процессом сужения круга лиц, отношения между которыми строились на принципе кровного родства.

³⁷ The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version ed., with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895, стр. 117.

На смену старым связям между большесемейными общинами пришли новые связи между большими патриархальными и малыми семьями и между последними там, где распад большесемейных общин стал фактом. Эти связи были основаны не на общем владении скотом, давно уже превратившимся в индивидуальную собственность, а на принципах межсемейной кооперации, связанной прежде всего с выпасом скота, взаимной материальной поддержки, совместного участия в различных обрядах и т. п. Отдельная семейная ячейка еще долго испытывала известную неустойчивость и слабость, она не всегда была в состоянии удержаться перед лицом усложнявшихся социально-экономических процессов (захват общинных пастбищ феодалами, межплеменные войны, усиление эксплуатации, развитие обмена и т. д.). Это и служило дополнительным стимулом для сохранения и укрепления родственных связей, которые находили свое выражение в стойком бытовании остаточной формы родо-племенной, патриархально-общинной организации — местами продолжавших существовать маленьких «общинах», состоявших из семей близких родственников³⁸. Но и эти «общины» постепенно разрушались и изнутри, и извне, поскольку законы развития классового общества все более властно выдвигали на первый план интересы отдельных собственников.

³⁸ См.: С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, — КСИЭ, М., 1958, вып. XXVIII; Л. П. Потапов, Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика, — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. II, М. — Л., 1966, стр. 17—28.